

Научная статья
УДК 343.24

doi: 10.17223/23088451/25/4

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Александр Викторович Шеслер^{1,2}, Софья Сергеевна Шеслер³

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

^{1,2} sofish@inbox.ru

³ sofish@inbox.ru

Аннотация. В статье констатируется тенденция расширения уголовно-правовой оценки общественной опасности лица, совершившего преступление, в действующем уголовном законодательстве. Выделяется наличие такой оценки при учете общественной опасности виновного лица в процессе назначения наказания (ст. 60 89 УК РФ), как смягчающего и отягчающего наказание обстоятельства (ст. 61, 63 УК РФ), как обстоятельства, учитываемого судом при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ), при назначении других видов наказаний, при освобождении виновного от уголовной ответственности и наказания (гл. 11, 12 УК РФ), при снятии судимости (ст. 86 УК РФ), при применении иных, помимо уголовного наказания, мер уголовно-правового характера (принудительных мер медицинского характера и др.), при признании свойств личности признаком состава преступления. Критикуются законодательные конструкции, основанные на признании факта повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, преступлением, и на признании криминального статуса в виде занятия высшего положения в преступной иерархии основанием уголовной ответственности (ст. 210.1 УК РФ).

Ключевые слова: личность преступника, общественная опасность лица, совершившего преступление, опасное состояние, характер общественной опасности, степень общественной опасности

Для цитирования: Шеслер А.В., Шеслер С.С. Уголовно-правовая оценка общественной опасности лица, совершившего преступление // Уголовная юстиция. 2025. № 25. С. 21–25. doi: 10.17223/23088451/25/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/25/4

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF SOCIAL DANGEROUSNESS OF A PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME

Alexander V. Shesler^{1,2}, Sofya S. Shesler³

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} sofish@inbox.ru

³ sofish@inbox.ru

Abstract. The article states the tendency to expand the criminal law assessment of social dangerousness of a person who has committed a crime in the current criminal legislation. The social dangerousness of the guilty person is taken into account in the following contexts: during sentencing (Articles 60-89 of the Criminal Code); as a mitigating and aggravating circumstance (Articles 61, 63 of the Criminal Code), as a factor considered by the court when assigning a type of correctional institution to a convicted person (Article 58 of the Criminal Code); when imposing other types of punishments; when the perpetrator is released from criminal liability and punishment (Chapters 11, 12 of the Criminal Code of the Russian Federation), when the criminal record is removed (art. 86 of the Criminal Code of the Russian Federation); when applying criminal law measures other than criminal punishment (compulsory medical measures and others), when recognizing personality traits as a sign of a crime. The author criticizes legislative constructs that treat the repeated commission of an offense—after prior administrative punishment for a similar violation—as a crime, and that establish criminal liability based solely on a person's status as a leader in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: criminal's personality, social dangerousness of person who has committed crime, dangerous condition, nature of social dangerousness, degree of social dangerousness

For citation: Shesler, A.V. & Shesler, S.S. (2025) Criminal law assessment of social dangerousness of a person who has committed a crime. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 25. pp. 21–25. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/25/4

В отечественной уголовно-правовой и криминологической литературе советского периода сложилось стойкое негативное отношение к зарубежной концепции опасного состояния личности. Данная концепция исходила из обусловленности преступления предрасположенностью личности к преступному поведению (главным образом, в силу психического расстройства, которое не достигло болезненного состояния), а также из того, что подобная предрасположенность должна быть основой уголовно-правовой оценки имеющей ее личности, в том числе основой применения к ней мер уголовно-правового воздействия. Критика концепции опасного состояния основывалась на марксистском воззрении советских исследователей на преступное поведение, согласно которому последнее обусловлено воздействием негативных социальных процессов в обществе на человека, а не его предрасположенностью к преступлению [1. С. 113–120; 2. С. 258–264; 3. С. 40–41]. Такая позиция среди исследователей сохранилась и в постсоветский период [4. С. 10–11].

Подобное отношение к концепции опасного состояния не было основано в полной мере на отечественном уголовном законодательстве, в котором отдельные положения об уголовно-правовой оценке общественной опасности преступника фактически соответствовали положениям указанной концепции. Достаточно указать на то, что в УК РСФСР 1960 г. общественная опасность лица учитывалась при назначении наказания (ст. 37 УК РСФСР) как смягчающее и отягчающее обстоятельство (ст. 38, 39 УК РСФСР), как обстоятельство, из которого исходил суд наряду с другими обстоятельствами при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительно-трудового учреждения (ст. 24 УК РСФСР), при назначении других видов наказаний (ст. 34 УК РСФСР и др.) при освобождении виновного от уголовной ответственности и наказания (ст. 50–52 УК РСФСР), при применении принудительных мер медицинского и воспитательного характера, при снятии судимости (ст. 57 УК РСФСР), при признании свойств личности квалифицирующим признаком конкретного состава преступления (ч. 2 ст. 174 УК РСФСР и др.), при придании уголовно-правового значения факту повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение (ст. 154, 154.1 УК РСФСР и др.). Положения об особо опасном рецидивисте (ст. 24.1 УК РСФСР) в основном были основаны на опасности личности виновного. Мало того, установление наказуемости за занятие бродяжничеством, попрошайничеством, ведение иного паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР) было основано не на совершении конкретного преступного деяния, а на признании опасности личности, вытекающей, по мнению государства, из ее дезадаптивного образа жизни.

Позиция законодателя обусловила теоретические разработки, обосновывавшие уголовно-правовую

оценку свойств личности совершившего преступления в указанных законодательных аспектах. Так, была сформирована концепция общественной опасности личности преступника. Стремясь уйти от положения концепции опасного состояния об обусловленности преступления предрасположенностью личности к ее совершению, советские исследователи ввели в научный оборот термин «общественная опасность преступника (личности преступника, виновного лица)», которым заменили термин «опасное состояние преступника». Под общественной опасностью преступника исследователи стали понимать возможность (вероятность) совершения им нового преступления. В качестве характеристик такой опасности выделялись ее характер, определяющий, какое преступление может быть вновь совершено таким лицом, а также ее степень, определяющая степень возможности совершения последним нового преступления. Вероятность совершения нового преступления выводилась из степени стойкости индивидуалистических взглядов личности [3. С. 24–25, 187, 204–205].

Чем по своей сущности отличается предрасположенность преступника к новому преступлению от вероятности (возможности) совершения нового преступления, не ясно. Сторонники обеих концепций исходили из того, что предрасположенность (вероятность, возможность) обусловлена свойствами личности. Несмотря на это, концепция общественной опасности личности стала активно развиваться. Мало того, отдельные исследователи на основе достижений социологии и психологии в изучении личности стали утверждать, что следует выделять особый тип личности – личность преступника именно на основе наличия у нее свойства общественной опасности. Так, К.Е. Игошев утверждал, что общественная опасность преступника является ничем иным, как ее социальной ролью [5. С. 18–31].

В.Д. Филимонов назвал такую роль антисоциальной ролью, которая, по его мнению, обусловлена психологическими особенностями личности в виде ее антиобщественного отношения к гражданам, государству, обществу в целом. Антиобщественное отношение, как утверждал исследователь, может быть различной степени выраженности, а именно: простое антиобщественное отношение, которое не получило значительного развития; антисоциальная установка, характеризующаяся следующим уровнем нравственного разложения личности; антиобщественная ориентация личности, представляющая совокупность различных антисоциальных установок, и, наконец, антисоциальная направленность личности, состоящая из системы устойчивых доминирующих антисоциальных мотивов.

В результате ученый делал вывод о том, что различная степень развития у преступника антиобщественного отношения обуславливает степень ее общественной опасности, т.е. степень вероятности совершения нового преступления. Лица, имеющие простое антиобщественное отношение, совершают преступление под сильным

или неожиданным воздействием на нее неблагоприятной жизненной ситуации, имеющие антисоциальную установку – под воздействием благоприятной, способствующей совершению преступления ситуации, имеющие антисоциальную направленность личности совершают преступление при нейтральной для преступления ситуации, имеющие антисоциальную направленность совершают преступление даже в условиях, препятствующих этому [2. С. 30–36, 169–182; 6. С. 35–39].

Основываясь на этих положениях, В.Д. Филимонов предложил классификацию преступников, исходя из степени их общественной опасности, т.е. степени вероятности совершения нового преступления (случайные и неслучайные, ранее не судимые и рецидивисты, мужчины и женщины, несовершеннолетние и взрослые) [7. С. 11–28]. Такая классификация позволила не только выявить различные варианты генезиса индивидуального преступного поведения (различное соотношение объективных и субъективных условий конкретного преступления), но и объяснить учет общественной опасности различных преступников в уголовном законе, прежде всего при освобождении от уголовной ответственности и наказания, определении особенностей их ответственности и наказания, их дифференциации и индивидуализации, выборе вида учреждения, в котором осужденные должны отбывать наказание в виде лишения свободы, в иных особенностях, связанных с их смягчением и утяжелением. В целом исследователь сделал вывод о том, что личность преступника является одним из важнейших криминологических оснований норм уголовного права. Такие основания рассмотрены автором особо в отношении лиц, повторно совершивших преступление, несовершеннолетних преступников и случайных преступников. Усиление уголовной ответственности повторных преступников (прежде всего рецидивистов) исследователь усматривал в таком криминологическом основании, как большая степень их общественной опасности по сравнению с лицами, впервые совершившими преступление. Большая степень общественной опасности вытекает из антисоциальной направленности их личности на совершение преступлений. Напротив, смягчение уголовной ответственности несовершеннолетних и случайных преступников исследователь усматривал в меньшей степени их общественной опасности. У несовершеннолетних преступников меньшая степень общественной опасности, по мнению автора, обусловлена неукоренившимся в их сознании антиобщественным личностным отношением, у случайных – незначительным развитием антиобщественных свойств личности и совершением преступления под влиянием неблагоприятной жизненной обстановки, т.е. неожиданным неблагоприятным изменением, резким ухудшением, длительным неблагоприятным воздействием [6. С. 24–25, 55–61].

Полагаем, что приведенные суждения, объясняя различные аспекты уголовно-правовой оценки личности преступника в уголовном законе, немногим отличаются от выводов, составляющих основу концепции опасного состояния преступника. Однако существенное отличие между концепцией опасного состояния и концепцией

общественной опасности личности преступника существует и состоит в том, что сторонники последней концепции признают основанием уголовной ответственности совершение конкретного деяния, а не опасность личности [2. С. 256–262].

Полагаем, что теоретические разработки сторонников концепции общественной опасности личности преступника легли в основу действующего УК РФ 1996 г. Во всяком случае с момента его вступления в силу соответствующие положения об уголовно-правовой оценке личности соответствовали ему. Однако законодатель начал расширять подобные положения, которые все больше стали соответствовать крайним моментам теории опасного состояния личности преступника.

Обратимся к положениям уголовного закона, содержанию положения об уголовно-правовой оценке общественной опасности личности преступника. Ее наличие констатируется при учете общественной опасности виновного лица в процессе назначения наказания (ст. 60 УК РФ) как смягчающего и отягчающего наказание обстоятельства (ст. 61, 63 УК РФ), как обстоятельства, из которого необходимо исходить суду наряду с другими обстоятельствами при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ), при назначении других видов наказаний, при освобождении виновного от уголовной ответственности и наказания (гл. 11, 12 УК РФ), при снятии судимости (ст. 86 УК РФ), при применении иных, помимо уголовного наказания, мер уголовно-правового характера (принудительных мер медицинского характера, конфискации имущества, судебного штрафа, принудительных мер воспитательного воздействия), при признании свойств личности признаком конкретного состава преступления (прежде всего квалифицирующим признаком), при придании уголовно-правового значения факту повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, при признании занятия высшего положения в преступной иерархии основанием уголовной ответственности (ст. 210.1 УК РФ).

В юридической литературе обсуждаются различные аспекты такой уголовно-правовой оценки общественной опасности личности преступника. Исследователи обращают внимание на то, что смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства (ст. 61, 63 УК РФ) учитываются не только при назначении наказания, но и при применении иных мер уголовно-правового воздействия помимо наказания [8], что основанием применения принудительных мер медицинского характера является общественная опасность лица, а совершенное им деяние, в том числе преступление, является лишь критерием этой опасности [9]. В литературе обсуждается вопрос о том, какие свойства виновного учитываются только как относящиеся к личности виновного в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ, а какие – как смягчающие и отягчающие обстоятельства, указанные в ст. 61, 63 УК РФ [10. С. 89–92]; предлагаются критерии, руководствуясь которыми, законодатель должен свойства личности, увеличивающие общественную опасность преступления, призна-

вать в качестве квалифицирующих признаков конкретного состава преступления или обстоятельства,отягчающего наказание в соответствии со ст. 63 УК РФ и т.д. [11. С. 37–41]. Однако эти вопросы касаются тех свойств личности преступника, которые не лежат в основании уголовной ответственности.

Расширение тенденции уголовно-правовой оценки, которые касаются уголовно-правовой оценки общественной опасности личности преступника, связаны с тем, что это ее свойство кладется в основание уголовной ответственности. Прежде всего это касается придания уголовно-правового значения факту повторного совершения правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение. Первоначально УК РСФСР 1996 г., в отличие от УК РСФСР 1960 г., не содержал составов с административной преюдицией. Очевидно, законодатель исходил из аргументов тех исследователей, которые выступали против таких составов, полагая, что совокупность административных правонарушений не придает свойство общественной опасности последнему из них, если за предшествующее правонарушение виновный привлечен к административному наказанию [12]. Подобные аргументы приводят исследователи и применительно к составам преступлений с административной преюдицией, которые появились в действующем УК РФ и количество которых расширяется [13].

Однако отдельные исследователи поддерживают позицию законодателя, полагая, что в основе уголовной ответственности должна лежать общественная опасность не только правонарушения, но и личности виновного. По их мнению, общественная опасность личности повторного правонарушителя возрастает в силу появления у нее устойчивости антисоциальных взглядов, и именно это обстоятельство лежит в основе составов с административной преюдицией [14; 15. С. 22–26].

Полагаем, законодатель, включив в УК РФ составы с административной преюдицией, попытался решить проблему разграничения между административными правонарушениями и аналогичными преступлениями, конкретизируя признак общественной опасности последних. Действительно, не просто в ряде случаев достаточно четко установить отличие между общественной вредностью, свойственной административному правонарушению, и общественной опасностью, свойственной преступлению, особенно в ситуации конкретного применения уголовно-правовой нормы. Однако законодательный подход вряд ли можно признать удачным, так как в конечном счете получается, что основанием уголовной ответственности являются не свойства деяния (его общественная опасность), а асоциальные свойства лица, его совершившего (его общественная опасность). На наш взгляд, законодатель для того, чтобы отличить административное правонарушение от аналогичного

преступления, должен в диспозиции уголовно-правовой нормы четко указать признаки последнего, формализующие его общественную опасность. Полагаем, что законодатель удачно это сделал в редакции ст. 213 УК РФ, указав на сопряженность оценочных признаков «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» с другими признаками хулиганства.

Одиозным воплощением концепции опасного состояния личности в российском законодательстве явилось установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). По сути, это является установлением уголовной ответственности за принадлежность лица к лидерам преступной среды, за ее криминальный статус, который в значительном числе случаев не связан с конкретными действиями по консолидации преступной среды, ответственность за которые установлена в ст. 210 УК РФ. Установление уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии противоречит содержащемуся в ст. 3 УК РФ принципу законности, в соответствии с которым преступным и наказуемым является только деяние. Кроме того, установление такой ответственности противоречит положению ст. 8 УК РФ, в соответствии с которым основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления, а не социальный статус лица.

Опасность для правоприменения кроется в оценочном характере термина «занятие высшего положения в преступной иерархии». Что это означает? Наличие определенного «почетного» титула («вор в законе», «смотрящий» и т.д.) или конкретные преступные действия по консолидации преступной среды? Если речь идет о конкретных действиях, то зачем вводить ст. 210.1 в УК РФ, так как ответственность за эти действия уже предусмотрена в ст. 210 УК РФ? Значит, наказуемость предусмотрена именно за наличие криминального статуса, а не за конкретные преступные действия?

Полагаем, что наличия ст. 210 УК РФ вполне достаточно для противодействия лидерству в преступной среде, поскольку имеющиеся в ней положения предусматривают наказуемость конкретных действий, а не статуса, характеризующего общественную опасность лидера преступной среды. Наличие в ст. 210 УК РФ квалифицирующего признака в виде занятия высшего положения в преступной иерархии вполне допустимо, так как этот оценочный признак, раскрываемый в процессе его практического применения, лежит не в основании уголовной наказуемости лица, а в основании ее усиления [15. С. 110–122].

Общий вывод, который нужно сделать из вышеизложенного, сводится к следующему: общественная опасность личности не может лежать в основании уголовной наказуемости, таким основанием может быть только общественная опасность конкретного деяния.

Список источников

1. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М. : Госюриздат, 1950. 319 с.
2. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. 277 с.
3. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 971 с.
4. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. : Спарк, 2000. 70 с.
5. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. 168 с.

6. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 214 с.
7. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск, 1973. 153 с.
8. Черненко Т.Г., Масалатина И.В. Обстоятельства, отягчающие уголовное наказание: некоторые проблемные вопросы // Вестник Кузбасского института. 2025. № 1. С. 108–118.
9. Шеслер А.В., Васеловская А.В. Общественная опасность лица как основание применения к нему принудительных мер медицинского характера // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 426–433.
10. Непомнящая Т.В., Степашин В.М. Проблемы назначения наказания. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2001. 544 с.
11. Шеслер А.В. Уголовно-правовая политика. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 78 с.
12. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 11–12.
13. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. М. : Юрлитинформ, 2020. 440 с.
14. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Обоснованность уголовно-правовых норм с административной преюдицией // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 202–207.
15. Берндт А.А. Криминологическая характеристика, детерминанты, система профилактики розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним и ее координация органами прокуратуры : дис. ... канд. юрид. наук. Ханты-Мансийск, 2024. 283 с.
16. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110–122.

References

1. Utevskiy, B.S. (1950) *Vina v sovetskom ugovnom prave* [Guilt in Soviet Criminal Law]. Moscow: Gosyurizdat.
2. Filimonov, V.D. (1970) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika* [Social Danger of the Criminal's Personality]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Volzhenkin, B.V. (2008) *Izbrannye trudy po ugovnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.)* [Selected Works on Criminal Law and Criminology (1963–2007)]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Lunev, V.V. (2000) *Sub'ektivnoe vmenenie* [Subjective Imputation]. Moscow: Spark.
5. Igoshev, K.E. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the Criminal Personality and Motivation of Criminal Behavior]. Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
6. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Filimonov, V.D. (1973) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti otdel'nykh kategoriy prestupnikov i ee ugovno-pravovoe znachenie* [Social Danger of Personality of Certain Categories of Criminals and Its Criminal-Legal Significance]. Tomsk.
8. Chernenko, T.G. & Masalatina, I.V. (2025) *Obstoyatel'stva, ottyagshchayushchie ugovnoe nakazanie: nekotorye problemnye voprosy* [Circumstances Aggravating Criminal Punishment: Some Problematic Issues]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1. pp. 108–118.
9. Shesler, A.V. & Vaselovskaya, A.V. (2021) *Obshchestvennaya opasnost' litsa kak osnovanie primeneniya k nemu prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Social Danger of a Person as a Ground for Applying Compulsory Medical Measures to Them]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 15 (4). pp. 426–433.
10. Nepomnyashchaya, T.V. & Stepashin, V.M. (2001) *Problemy naznacheniya nakazaniya* [Problems of Sentencing]. Omsk: Omsk State University.
11. Shesler, A.V. (2018) *Ugovno-pravovaya politika* [Criminal Law Policy]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
12. Kovalev, M.I. (1982) *Prestuplenie i prostupok* [Crime and Misdemeanor]. In: *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami* [Problems of Improving Legislation to Strengthen Law and Order and Intensify the Fight Against Offenses]. Sverdlovsk. pp. 11–12.
13. Lopashenko, N.A. (2020) *Razmyshleniya ob ugovnom prave. Printsipy ugovnogo zakonodatel'stva. Ugovnyy zakon. Prestuplenie, prostupok i sostav prestupleniya* [Reflections on Criminal Law. Principles of Criminal Legislation. Criminal Law. Crime, Misdemeanor and Corpus Delicti]. Moscow: YurLitinform.
14. Anisimov, V.F. & Akinina, N.Yu. (2018) Validity of Criminal Provisions with Administrative Prejudice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 202–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/435/26
15. Berndt, A.A. (2024) *Kriminologicheskaya kharakteristika, determinanty, sistema profilaktiki roznichnoy prodazhi alkohol'noy produktsii nesovershennoletnim i ee koordinatsiya organami prokuratury* [Criminological Characteristics, Determinants, System of Prevention of Retail Sale of Alcoholic Products to Minors and Its Coordination by Prosecution Authorities]. Law Cand. Diss Khanty-Mansiysk.
16. Shesler, A.V. (2020) "Vor v zakone": kriminal'nyy status ili osnovanie ugovnoy otvetstvennosti ["Thief in Law": Criminal Status or Ground for Criminal Responsibility]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (42). pp. 110–122.

Информация об авторах:

Шеслер А.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия); профессор кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Шеслер С.С. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation); professor at the Department of Criminal Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

S.S. Shesler, Cand. Sci. (Law), docent, associate professor at the Department of Public Law and Law Enforcement, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025;
одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 19.03.2025;
approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 10.06.2025.